

18+

Игорь Куклинов

*Счастье,
которое мурчит
на крыльце*

Игорь Куклинов

**Счастье, которое
мурчит на крыльце**

«Издательские решения»

Куклинов И.

Счастье, которое мурчит на крыльце / И. Куклинов —
«Издательские решения»,

Это книга о доме, любви и о котах. О том, как однажды маленький черный котенок прыгнул на колени к незнакомцу и навсегда изменил свою жизнь. О большой кошачьей семье, которая живет своей жизнью. В которой есть место для любви, радости, горе и печали и все это складывается в жизнь и теплую связь между человеком и кошкой. Эта история о том, что счастье не надо искать. Оно само приходит — пушистое, теплое и мурчащее. И ждет Вас в ваших сердцах и... На крыльце дома.

© Куклинов И.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие,	6
Глава первая,	8
Глава вторая,	11
Глава третья,	13
Глава четвертая,	15
Глава пятая,	18
Глава шестая,	21
Глава седьмая,	24
Глава восьмая,	27
Глава девятая,	30
Глава десятая,	33
Глава одиннадцатая,	36
Глава двенадцатая,	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Счастье, которое мурчит на крыльце

Игорь Куклинов

Моей любимой жене Ирине

© Игорь Куклинов, 2026

ISBN 978-5-0070-3333-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие, в котором Икинджи объясняет, зачем он всё это рассказывает

Меня зовут Икинджи. Можно просто Ики.

Если вы взяли в руки эту книгу, значит, вы либо любите котов, либо вам просто нечем заняться, либо — что вероятнее всего — вас привлёк запах. Не удивляйтесь, я знаю, что люди не очень хорошо чувствуют запахи, но поверьте: хорошие истории всегда пахнут. Моя пахнет мятой, верандой после дождя, мамиными пирогами и немного — шашлыком (это Капа вино-вата, она вечно приносит на себе запах приключений).

Я не сразу решил рассказать эту историю. Сначала я просто жил. Потом жил и думал. А потом понял, что если я не расскажу, то все эти дни, ночи, драки, мурчания, еноты, воробьи и бесконечные миски с едой так и останутся только моими. А мне показалось, что они заслуживают большего.

К тому же Бонифаций сказал, что старые коты обязаны передавать знания молодым. Я, конечно, не старый (ещё не старый), но после всего, что случилось, я чувствую себя... зрелым. Это когда внутри уже не котёнок, но ещё и не ворчливый дед, который лежит на лежанке и делает вид, что все дураки.

Я расскажу вам про нашу семью. Да, я знаю, что люди называют это «стаей» или «прайдом», но мы — семья. Самая разная семья: полосатая, чёрная, серая, рыжая, одноглазая, слепая, дикая и домашняя. Мы научились жить вместе, хотя иногда это было непросто. Особенно когда Сильвер приносит очередную птицу и кладёт её на крыльцо с видом «я крутой, оцените».

Я расскажу про маму и папу. Про то, как они нас кормят, лечат, гладят и терпят наши выходки. Про то, как мы их терпим (шучу, мы их обожаем, просто не всегда показываем).

Я расскажу про Сияха — моего бестолкового брата, который был королём двора и трусом одновременно. Про Блёка — старого мудреца, который молчал пятнадцать лет, а потом разговорился так, что мама плакала от счастья и удивления. Про Боню, который видит сердцем. Про Сильвера, который никого не подпускает, но всех защищает. Про Капу, которая гуляет сама по себе и пахнет шашлыком. Про Басю, которая пришла с улицы, орала, а потом стала тихой отшельницей. Про всех-всех-всех.

Если вы прочтёте эту книгу до конца, вы узнаете:

- как я чуть не женился и получил тряпкой по спине;
- как папа чуть не повесился на шторе;
- как мы воевали с енотами и писали письма через папины штаны;
- и как мы прощались с теми, кто ушёл в звёзды.

Но главное — вы поймёте одну простую вещь.

Счастье не надо искать где-то далеко. Оно не в новой игрушке, не в большой миске и даже не в самом тёплом месте на диване (хотя это близко). Счастье — это когда ты выходишь на крыльцо, садишься, жмуришься на солнце и знаешь: где-то там, за дверью, тебя любят. И мурчат в ответ.

Даже если ты всего лишь кот.
Особенно если ты всего лишь кот.
Ну что, готовы слушать?
Тогда устраивайтесь поудобнее. Я начинаю.
Ваш Икинджи,

чёрный кот с белой полоской на пузике,
любитель шариков и тёплых коленей.

Глава первая, в которой я еще ничего не знаю о своем имени

Вы когда-нибудь задумывались о том, каково это — родиться котом? Нет, я не про то, чтобы просто мяукать и ловить мышей. Я про другое: про самое первое утро в твоей жизни, когда ты еще не знаешь, что ты — это ты, и что у тебя когда-нибудь появится имя.

Я, например, сначала и не знал, что я кот. Вернее, знал, конечно. Но думал, что я просто кот. Без имени. Без всего. Просто маленький пушистый комочек, который лежит под теплым маминим боком и чувствует, как в его живот вливается что-то очень вкусное и очень нужное.

Мама... Она была большой и пушистой. Для меня тогда весь мир помещался в ней. Черная, белая, рыжая — вся сразу. Пушистая, как облако, и пахла чем-то родным, чем-то таким, что невозможно забыть, даже если проживешь потом тысячу жизней. Рядом со мной, под ее животом, возились еще двое — брат и сестра. Мы толкались, пихали друг друга маленькими лапками, еще не умея выпускать когти, и каждый хотел добраться до молочка первым. Наверное, это и было счастье. Самое первое, самое понятное.

А потом у меня открылись глаза. И мир стал огромным и страшным.

Имени у меня не было. Кот и кот. Черный — потому что я был черным. Люди, которые иногда появлялись рядом с нашим сараем, говорили:

«Черный котик! Хорошенький! Иди сюда, погладим!»

Я думал, что Черный котик — это и есть мое имя. Почему нет? Они звали — я откликался. Они иногда давали еду. Кусочек колбасы, рыблю голову, что-то непонятное, но вкусное из пакетиков. Я брал. Я был вежливым котом. И голодным.

Мы жили у моря. Наше жилье было под сараем, а может, под беседкой. Я так и не понял, как это называется. Но мы там сидели и ждали. Все время ждали. Ждали, когда придут люди и принесут еду.

Люди... Они такие большие и непонятные. Как горы, которые ходят. Они бывают добрые, а бывают страшные. Мама говорила: «Есть хорошие люди те, которые гладят и кормят. Но, есть плохие, которые не любят котов и кошек. Вон, посмотри на того мальчика, что бросил камень в дядю Бари. Таких надо бояться. Они могут убить».

Я запомнил. И боялся.

Дядя Бари потом долго лежал. Ему попало камнем в лапу, и он не мог ходить. Одна кошка принесла ему мышь, и он съел ее, бедный. Но такие страшные дни случались редко. Чаще всего люди приходили, чтобы нас покормить. Особенно тетечки. У нас было несколько знакомых тетечек, которые приносили консервы, косточки с мясом, иногда даже специальный корм из пакетиков.

Когда мы видели их, мы выбегали все разом и кричали:

— Кушать! Кушать! Хотим кушать!

Они смеялись, высыпали еду на землю и гладили нас. Это было приятно. Когда большая теплая рука гладит тебя по голове, по спине, чешет за ухом — это почти как мамин язычок, который тебя ласково вылизывает. Почти как счастье.

А потом мама исчезла.

Просто взяла и исчезла. И сестренка исчезла. И братик. Я остался один среди чужих котов. Мы жили вместе, но каждый сам по себе. Каждый думал только о еде. Где достать? Где поесть? Целыми днями мы только и делали, что ждали и смотрели на тропинку, откуда приходили люди.

Большой рыжий кот был у нас главным. Он никого не подпускал к еде, пока сам не наелся. Он бил нас лапой — сильно, когтями. Шипел: «Убирайтесь, это мое!» Но нам все равно что-то перепадало. Крохи, объедки. Но мы были рады и этому.

Я спал много. Когда спишь, не так хочется есть.

В тот день, который перевернул всю мою жизнь, мы сидели и ждали, как обычно. Я несколько раз выбегал на площадку перед морем, где гуляли люди. И вдруг я увидел их.

Ту самую парочку.

Я их хорошо запомнил. Особенно женщину. Она часто доставала из пакетиков что-то вкусное и кидала нам. Рядом с ней всегда был мужчина — большой, молчаливый. Еды он не давал, просто смотрел. Может, охранял ее? А может, просто смотрел. Но я чувствовал — он не злой.

Мы все обрадовались и побежали к ним. Но в этот раз они прошли мимо. Даже не посмотрели. Сели на скамейку лицом к морю, спиной к нам. И стали разговаривать.

Я обиделся. Честно. Прямо здесь, под скамейкой, я почувствовал, как в груди что-то сжалось. Они же хорошие. Почему не смотрят? Почему не гладят?

Они говорили на своем языке. Только и слышно было: «Бу-бу-бу... ка-тю...» Какие-то странные звуки. Я к тому времени уже знал несколько слов: «кис-кис», «кушать», «брысь». Но учить их язык я не собирался. Зачем коту человеческий язык? Мы и так друг друга понимаем. Или не понимаем?..

И тут мужчина достал кусок курицы.

У меня внутри что-то щелкнуло. Он отломил кусочек, положил в рот и так вкусно зачмокал, что я забыл обо всем на свете. И вдруг я сделал то, чего сам от себя не ожидал. Я разбежался — и прыгнул.

Прямо к нему на колени.

— Ох, ничего себе! — воскликнул мужчина. — Смотри, это же наш Сиях!

Я ничего не понял. Но слово «Сиях» застряло у меня в голове. Потом я узнал, что это значит «Черный». Но тогда я просто сидел и балдел от собственной смелости.

Мужчина стал меня гладить. И прямо тут же отломил кусочек курицы. Я проглотил его мгновенно. Голодный же был.

— Сияша, ты как сюда попал? — удивленно спросил он.

— Да, это наш Сиях! — всплеснула руками женщина. — Слушай, он что, прибежал за нами из дома? Но там же почти километр! Неужели он бежал за машиной? Красавец ты мой!

Она тоже стала меня гладить и подсовывать кусочки курицы.

И тут я совсем осмелел. Я понял, что они не обидят. Они накормят. Они согреют. Я замурчал. Это получилось само собой. У нас, у котов, мурчание — это не просто звук. Это способ сказать «спасибо». Это способ сказать «мне хорошо, и я хочу, чтобы тебе тоже было хорошо».

Они гладили меня, а я мурчал. Мурчал, как ненормальный. Мурчал всем телом, каждой шерстинкой.

И в какой-то момент я понял: я больше не хочу уходить. Ни за что. Никогда.

Я даже уснул у мужчины на коленях. Просто взял и уснул, свернувшись клубочком. Мне было тепло. Мне было спокойно. Впервые с тех пор, как исчезла мама.

— Не могу поверить, что он бежал за нами, — шептала женщина.

— Смотри, у него на пузике белая полоска. Точно Сиях! — улыбнулся мужчина.

— Проказник! Зачем ты убежал из дома? — причитала женщина, гладя меня по голове.

Я ничего не понимал, кроме одного: меня называют Сияхом. Может, это и есть мое имя?

— Ну что, пойдем домой? — спросила она.

Я по-прежнему сидел на руках у женщины и мурчал. Мне было так хорошо, что я даже не заметил, как они поднялись и понесли меня с собой. Мне не было страшно. Совсем. Они были такие теплые, такие родные... Как мама.

Может, они и есть мои родители? А она, эта женщина, — моя мама?

Я мурчал и смотрел на нее. Я уже полюбил ее. Честно.

Мы сели в большую машину. Я перебрался к ней на руки. И тут стало страшно. Машина заурчала, затарахтела, задрожала — и поехала. Я вцепился когтями в ее куртку и замер.

— Сияша, убери коготочки, — ласково сказала она. — Не бойся, красавец. Мы едем домой.

Я пережил эти несколько минут, хотя было жутко. Но рядом с ней было не так страшно.

Мы подъехали к воротам. За ними стоял большой дом. Мы заехали во двор, и меня выпустили на траву. И тут я снова испугался. Новое место. Незнакомый двор. Цветы, кусты, высокий забор.

«Надо бежать», — подумал я.

И в эту секунду случилось то, от чего у меня шерсть встала дыбом.

Из-за угла выскочил кот.

Черный. Мне показалось, что огромный. Злой. Он встал передо мной, выгнул спину дугой и зашипел так, что у меня лапы подкосились.

— Ты кто такой?! — орал он на своем кошащем. — Что сюда приперся?! Это мой дом! Пошел вон, пока цел!

Я не знал, что делать. Я сжался в комок и попятился к машине.

А мои новые люди — те, кого я уже почти называл мамой и папой — переглянулись.

— Так это не Сияшка... — растерянно сказала женщина.

Мужчина посмотрел на меня, потом на черного кота, который все еще выгибал спину и плевался ядом.

— Вот это да... — протянул он. — Они как братья Гусаковы! Совсем одинаковые!

Я не знал, кто такие Гусаковы. Но я понял одно: меня сейчас могут прогнать. Могут вернуть обратно — под сарай, к морю, к вечному голоду и дракам за обеды.

— Ну и что делать будем? — спросил мужчина. — У нас и так пять котов...

Женщина посмотрела на меня. Долго. Внимательно. А потом улыбнулась.

— Значит, будет шесть. Не возвращать же его назад. Кошка сама решает, где ей жить.

Я выдохнул. Кажется, меня оставляют.

Я посмотрел на черного кота. Он оказывается был меньше меня. Я мог бы дать ему по морде, мог прогнать. Но я не стал. Я просто повернулся к нему спиной и залез под машину.

Пусть шипит. Мне все равно.

Я буду жить здесь. Я решил.

— Ну и как мы его назовем? — спросила мама.

— А давай тоже по-турецки, — засмеялся папа. — Сиях — значит Черный. А этот пусть будет Второй Сиях. Икинджи.

Он наклонился и позвал:

— Ики! Икинджи! Иди сюда, малыш!

Я понял. Это мое имя. Мне дали его мама и папа.

Я сидел под машиной и слушал, как черный кот все еще ходит вокруг и шипит. Но мне было уже все равно.

Потому что у меня теперь был дом. И имя.

И целая жизнь впереди

Глава вторая, в которой я узнаю, как говорят коты

Знаете, люди думают, что мы, коты, только и умеем, что мяукать. Мяу да мяу. А на самом деле наш язык богаче, чем все человеческие слова вместе взятые. Просто люди не слышат. У них уши не так устроены.

Мы говорим хвостом. Мы говорим ушами. Мы говорим спиной, особенно когда выгибаем ее дугой — это такой крик, который слышно за километр, даже если ты молчишь. А еще мы говорим глазами. Вот смотришь на другого кота и посылаешь ему: «Ты мне нравишься, брат» или «Уйди, пока цел». И он всё понимает. Без единого звука.

Но иногда мы всё-таки мяукаем. Это для людей. Чтобы они догадались, что мы хотим есть, или что нам больно, или что мы их любим. Люди без мяу совсем ничего не понимают, бедные.

В те дни, когда я жил у моря, я быстро выучил главные кошачьи слова. Например, фырк с прищуром означал: «Отойди, дурак, это моя рыба». А если кот садился к тебе спиной и начинал нарочно не замечать — это значило: «Ты для меня пустое место, я выше этих разборок».

У нас, когда я жил у моря, был один старый кот по имени Тофик. Серый, с белыми усами и одним рваным ухом. Он мало с кем разговаривал, но все его уважали. Иногда он садился на пригорке, смотрел на море и молчал. И все понимали: Тофик думает о чем-то важном. Может, о том, как жить дальше. А может, просто о том, где взять еды.

Рыжий, который был нашим главным, звался Дым. Подходи к нему, только если хочешь получить по морде. Он сидел у самой миски, даже когда миска была пуста, и шипел на каждого, кто приближался.

— Моё, — говорил он одним движением усов. — Даже пустое — моё.

Мы обходили его стороной. Голод — это плохо, но лапа с когтями — еще хуже.

Однажды, когда одна из тетечек принесла нам целый пакет рыбы, Дым набросился на еду так, что от жадности стал заглатывать рыбу кусками. Я попытался стащить один, маленький кусочек, что упал в траву, но Дым заметил.

— А ты что это удумал, черный? — зашипел он, подходя ко мне.

Я весь сжался в комок. Я был маленький котенок меньше его, слабее. Я бы не смог драться с большим котом, да и не хотел я драться.

— Я просто... этот кусочек упал... — попытался объяснить я, прижимая уши.

— Всё, что упало, — моё. Всё, что лежит, — моё. Всё, что будет лежать, — тоже моё, — он выпустил когти и ударил меня по носу.

Я отскочил. В глазах зашипало, из носа потекла кровь. Было больно и обидно.

И тут случилось неожиданное. Тофик, старый серый кот с рваным ухом, поднялся со своего места и медленно подошел к Дыму. Он не шипел, не выгибал спину. Он просто сел напротив и посмотрел на него.

И Дым... отступил.

— Ладно, — буркнул он, отворачиваясь. — Жри свой кусок.

Я не понял, что произошло. Я подобрал тот злополучный кусочек рыбы и съел его, глотая вместе с кровью из разбитого носа.

Потом, когда стемнело, я подошел к Тофику. Он сидел под кустом и смотрел на звезды.

— Спасибо, — сказал я тихо.

Он даже не повернул головы.

— Ты ничего не должен, — ответил он. — Просто запомни: страх — это хорошо. Страх спасает жизнь. Но если ты будешь бояться всегда, ты перестанешь быть котом.

Я долго думал над его словами. А потом мама исчезла. И брат с сестрой исчезли. И я остался один среди чужих.

Но это я уже рассказывал.

Глава третья, в которой я встречаю того, кто похож на меня

После того как папа назвал меня Икинджи, а мама погладила и ушла в дом, я еще долго сидел под машиной. Черный кот, которого они называли Сияхом, не унимался. Он ходил вокруг, шипел, фыркал, выгибал спину так, что шерсть вставала дыбом.

— Ты слышишь меня, нахал?! — орал он. — Это моя территория! Моя миска! Мои люди! Убирайся, пока я не превратил тебя в половичок!

Я молчал. Я просто сидел и смотрел на него сквозь колесо машины.

Он был похож на меня. Прямо как отражение в луже. Черный, с белой полоской на пузике, с такими же зелеными глазами. Только чуть крупнее, чуть наглее, чуть увереннее в себе.

— Эй, ты чего молчишь? — не унимался он. — Язык проглотил? Или ты вообще разговаривать не умеешь, деревенщина?

— Умею, — ответил я тихо. — Просто не хочу с тобой драться.

Он замер. Потом наклонил голову и посмотрел на меня с подозрением.

— Чего-чего? Не хочешь драться? Ты что, больной?

— Нет. Я просто устал. Я приехал с ними... с нашими людьми... Я голодный. И я хочу здесь жить.

Сиях моргнул. Потом сел на траву и почесал задней лапой за ухом.

— Слушай, — сказал он уже спокойнее. — Ты хоть понимаешь, что это мой дом? Моя еда? Мои игрушки! Мои подоконники!

— Я не претендую на твои подоконники, — вздохнул я. — Мне просто нужно место. Теплое. Где не бьют лапой за кусок рыбы.

Сиях задумался. Он смотрел на меня, а я смотрел на него. И вдруг я заметил в его глазах что-то знакомое. Что-то такое, что было у меня самого, когда я смотрел на свое отражение.

— Ты тоже... один? — спросил я. Он фыркнул.

— Я не один. У меня есть люди. Целых два человека. И еще четыре кота.

— Я не про то. Я про другое. Ты был один... до того, как попал сюда?

Сиях отвернулся. Он долго молчал, а потом тихо сказал:

— Меня нашли в коробке. Маленьким. Под дождем. Я думал, что умру. А они пришли и забрали меня.

Я ничего не ответил. Я просто вышел из-под машины и сел рядом с ним. Не слишком близко, но и не слишком далеко.

Он покосился на меня, но ничего не сказал.

Так мы и сидели. Два черных кота. Два похожих друг на друга существа. Один — хозяин дома. Другой — пришелец, который просто хотел тепла.

А потом случилось то, чего я никак не ожидал.

Из кустов вылетела бабочка.

Большая, желтая, с черными пятнами на крыльях. Она порхала прямо перед нами, то подлетая, то отдаляясь, словно дразнила.

Сиях дернул ухом. Я дернул хвостом.

И в одно мгновение мы оба сорвались с места.

Мы бежали за бабочкой через весь сад. Я забыл про страх, про усталость, про то, что меня только что хотели прогнать. Я просто бежал, чувствуя, как ветер свистит в ушах, как трава щекочет живот, как сердце колотится от восторга.

Сиях бежал рядом. Иногда он обгонял меня, иногда я вырывался вперед. Мы прыгали, кувыркались, сталкивались лбами, снова вскакивали и неслись дальше.

Бабочка улетела. Уселась на ветку высоко-высоко, где мы не могли до нее достать.
Мы остановились, тяжело дыша, и посмотрели друг на друга.

И вдруг Сиях... засмеялся. По-кошачьи, конечно. Усами, ушами, кончиком хвоста.

— Ты ничего так бегаешь, — сказал он. — Для деревенщины.

— Ты тоже, — ответил я. — Для домашнего.

Он толкнул меня лапой в бок. Не сильно, по-дружески.

— Слушай, Ики... Можно я буду звать тебя Ики? — спросил он.

Я кивнул.

— Ладно, Ики. Давай так. Ты будешь жить здесь. Но запомни: моя миска — моя. Мои подоконники — мои. Мои люди — мои, — он поправился. — Наши люди. Договорились?

— Договорились.

И мы снова побежали. Теперь уже вместе. Вдоль забора, мимо цветочных клумб, мимо деревянной беседки, мимо старого дуба, где любили сидеть другие коты.

Мы влетели в самую гущу кустов, запутались в ветках, вывалились обратно и долго катались по траве, кусая друг друга за уши, не выпуская когтей.

Где-то на крыльце стояла мама и смеялась.

— Смотри, — сказала она папе. — Они подружились.

— Похоже на то, — улыбнулся папа.

А мы носились по саду, два черных кота, два брата, которые только что нашли друг друга.

Вечером мы лежали на теплых досках веранды, прижавшись друг к другу спинами. Сиях мурчал. Я мурчал. Где-то в доме гремели тарелками, пахло чем-то вкусным.

— Ики, — сонно сказал Сиях.

— М?

— Ты останешься?

— Ага.

— Навсегда?

Я подумал. Вспомнил сарай у моря. Вспомнил Дыма, который бил лапой по морде. Вспомнил голодные дни, когда приходилось ждать и ждать, пока кто-нибудь придет и бросит обедок.

— Навсегда, — ответил я.

И уснул.

Сон был теплым и спокойным. Впервые за долгое время мне ничего не снилось.

А наутро мы с Сияхом снова носились по саду. Теперь уже не за бабочкой — за птичкой, которая глупая, села на нижнюю ветку.

Птичка улетела. Но это было неважно.

Важно было то, что я больше не один.

Глава четвертая, в которой я понимаю, что попал в большое кошачье семейство

Утром я проснулся от того, что кто-то дышал мне прямо в ухо. Я открыл глаза и чуть не подпрыгнул — надо мной нависала морда. Серая, пушистая, с огромными зелеными глазами, которые смотрели на меня с нескрываемым любопытством.

— Ты кто? — спросила морда.

Я завертел головой. Сиях, который ночью прижимался ко мне спиной, куда-то исчез. Я лежал один на веранде, а надо мной склонилась незнакомая кошка.

— Я... Ики, — промямлил я, пытаюсь сообразить, не грозит ли мне опасность. — Икин-джи. Меня вчера принесли.

— Знаю, — кошка моргнула. — Я слышала. Ты тот, кого перепутали с Сияхом. Забавно. Она говорила спокойно, без угрозы. Я немного расслабился и сел, отряхиваясь.

— А ты кто?

— Я Сита, — ответила она и грациозно уселась рядом, обернув хвост вокруг лап. — Я сестра Сияха. Мы из одного помета. Только я в маму пошла — серая, а он в папу — черный, как головешка.

Я присмотрелся. Она действительно была красивая. Серебристо-дымчатая, с белыми носочками на передних лапах и такими же белыми кончиками ушей. Глаза — ярко-зеленые, чуть раскосые. И вся такая... аккуратная. Будто каждую шерстинку специально уложили.

— Ты давно здесь живешь? — спросил я, не зная, о чем еще говорить.

— Всю жизнь, — пожала плечами Сита. — Мы с Сияхом родились здесь, в этом доме. Наша мама была местной королевой, но она уже старенькая и живет теперь где-то в лесу, а может вообще умерла.

— А еще кто-то есть? — спросил я, хотя уже догадывался, что знакомство только начинается.

Сита усмехнулась. По-кошачьи, кончиками усов.

— Еще есть двое. Старики. Пошли, познакомлю. Только учти, они... специфические.

Она встала и, не оглядываясь, пошла через сад к дому. Я потрусил следом, стараясь не отставать и одновременно оглядываться по сторонам. Сад при свете дня оказался огромным. Тут были кусты, деревья, какие-то цветочные клумбы, а в углу даже небольшой прудик, над которым летали стрекозы.

Мы обогнули дом и вышли к заднему крыльцу. Там, на старых деревянных ступеньках, грелись на солнце два кота.

Один был черный. Совершенно седой, с белой мордой и мутными глазами. Он лежал, развалившись на всю ступеньку, и, кажется, спал. Или делал вид, что спит. Или ему было просто все равно.

Рядом с ним сидел второй. Вот это был кот! Огромный, пушистый, с рыже-полосатой шубой и мощными лапами. Он сидел неподвижно, повернув голову в нашу сторону, но его глаза... Они смотрели куда-то мимо. Сквозь.

— Это Блэк, — Сита кивнула на черного старика. — Он старше всех нас вместе взятых. Ему, кажется, уже лет пятнадцать, а может, и все двадцать. Он почти ничего не видит и не слышит, и ему на всё наплевать. Можешь даже не здороваться — он не ответит. Старый черный кот даже ухом не повел. Он просто лежал, жмурясь на солнце, и, кажется, видел какие-то свои, старческие сны.

— А это Бонифаций, — Сита указала на огромного рыжего. — Мы зовем его Боня, или просто Дядя Боня. Он слепой. Совсем. С рождения. Но ты не думай, он всё видит. По-своему.

Бонифаций повернул голову и уставился на меня невидящими глазами. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Мне показалось, что он смотрит прямо в душу.

— Икинджи, — сказал он низким, рокоочущим голосом. — Я слышал про тебя. Подойди. Я послушно подошел и сел напротив.

Он потянулся ко мне мордой и понюхал воздух. Долго, внимательно. Потом фыркнул.

— Морем пахнешь, — сказал он. — И голодом. И страхом. И надеждой.

Я не знал, что ответить. Он был прав.

— Ты не бойся, — Бонифаций усмехнулся и лег поудобнее, положив голову на лапы. — Я не кусаюсь. Зрячие кусаются чаще. Им виднее, кого кусать.

Сита фыркнула, явно оценив шутку.

— Боня родился в Турции, — пояснила она. — Его нашли наши люди, когда жили там. Маленького, слепого, брошенного. Мама тогда сказала: «Этот кот особенный. Он видит то, что не видят другие». И забрала его.

— И правильно сделала, — пробурчал Бонифаций. — Я бы без них пропал. А так живу, ем, сплю, философствую. Неплохая жизнь для слепого кота, а?

— Ты не просто кот, — раздался сзади голос Сияха. Он подошел неслышно, как все коты, и плюхнулся рядом со мной на траву. — Ты мудрец. Самый старый мудрец в этом доме.

— Самый старый — Блэк, — возразил Бонифаций. — А я просто толстый.

Мы все посмотрели на Блэка. Он по-прежнему лежал, не шевелясь, и только хвост слегка подрагивал, отгоняя мух.

— Он всегда такой? — спросил я шепотом.

— Всегда, — подтвердил Сиях. — Он в своем мире. Иногда мне кажется, что он уже давно там, где коты после жизни становятся звездами. Просто тело еще здесь, по привычке.

— Не говори глупостей, — лениво отозвался вдруг Блэк. — Я здесь. И слышу всё.

Мы все замерли. Даже Бонифаций приподнял голову.

Блэк медленно открыл один глаз — мутный, старческий, но с искоркой где-то в глубине — и посмотрел на меня.

— Черный, — сказал он. — Как ночь. Как уголь. Как память. Хороший цвет. Носи с достоинством.

Он снова закрыл глаз и затих.

Мы переглянулись.

— Он говорит редко, — шепнула Сита. — Но если говорит — слушай. Он глупостей не скажет.

— Он вообще ничего не говорит, — фыркнул Сиях. — Раз в полгода выдаст что-нибудь загадочное и снова молчит.

— Это потому, что вы еще котята, — пробормотал Бонифаций. — А он старый. Старым много говорить тяжело. Они берегут слова для важного.

Я смотрел на эту странную компанию и не верил своему счастью. Черный ворчун Сиях, который еще утром гонял меня по двору, теперь сидел рядом и дружелюбно пихал меня лапой. Красивая Сита, сестра-аристократка, смотрела на меня с любопытством, но без осуждения. Огромный слепой Бонифаций вещал, как древний философ. А старый Блэк лежал и молчал, но в его молчании чувствовалась мудрость всех котов мира.

— Ну что, Ики, — сказал Сиях. — Добро пожаловать в нашу сумасшедшую семью. Тут у каждого свой характер, свои тараканы в голове и свои привычки. Но мы друг друга терпим. Иногда даже любим. Хотя вслух не признаемся, конечно.

— Конечно, нет, — фыркнула Сита. — Это же некошачье.

— А что мы едим? — спросил я самый важный вопрос.

Все засмеялись. Даже Блэк, кажется, чуть заметно дернул ухом.

— С едой у нас хорошо, — сказал Бонифаций. — Люди кормят регулярно. Утром и вечером. Иногда днем, если мы хорошо просим.

— А как здесь делят территорию? — спросил я, вспомнив Дыма и вечные драки у моря.

— Территорию? — Сиях удивился. — Здесь всем хватает места. Лежанок — шесть. Мисок — пять. Подоконников — вообще бесконечность. Мы не деремся. Ну... почти не деремся.

— Иногда деремся, — поправила Сита. — Для порядка. Но без злости. Так, понарошку.

— А если серьезно? — спросил я.

Все замолчали и посмотрели на Бонифация.

Он медленно поднялся, потянулся, выпуская огромные когти, и сказал:

— Если серьезно, я разбираюсь. Хотя я слепой, я чую, кто прав, кто виноват. И если надо, могу лапой дать. Весом. Поверь, мой вес — это аргумент.

Мы снова засмеялись. Бонифаций и правда был огромный. Если он кого-то придавит — не встанешь.

В этот момент из дома вышла мама. Она увидела нас, сидящих компанией на траве, и улыбнулась.

— Смотрите, — сказала она кому-то внутри. — Наш новый мальчик уже со всеми познакомился.

— Ики, иди сюда! — позвала она.

Я встал и пошел к ней. Но на полпути обернулся.

Сиях, Сита, Бонифаций и даже старый Блэк смотрели на меня. И в их взглядах не было вражды. Только любопытство и что-то еще. Что-то теплое, что я не мог назвать.

Я поднял хвост трубой и побежал к маме.

А вечером, когда мы снова собрались все вместе на веранде, я понял, что это было.

Это была семья.

Самая странная, самая лохматая, самая разношерстная семья в мире. Но моя.

Глава пятая, в которой появляется тот, кого все боятся

Жизнь в новом доме налаживалась. Я уже знал, где моя миска (вторая слева, между Сияхом и Ситой), какой подоконник самый теплый (тот, что на кухне, над батареей), и в какое время папа открывает консервы (утром, когда еще темно, и вечером, когда солнце садится за крышу).

Мы с Сияхом носились по саду как угорелые, Сита наблюдала за нами с видом королевы, которой все эти глупости неинтересны, Бонифаций философствовал на крыльце, а старый Блэк просто лежал и, кажется, видел сны о том, как он был молодым и грозным.

Все было хорошо.

Пока однажды утром не случилось ЭТО.

Я проснулся от странного запаха. Незнакового. Чужого. Так пахнет опасность. Так пахнет враг.

Сиях рядом со мной тоже завозился и поднял голову.

— Ты чувствуешь? — спросил я шепотом.

— Ага, — ответил он, и его шерсть слегка вздыбилась.

Мы переглянулись и бесшумно спрыгнули с веранды. Запах вел нас через сад, мимо кустов, мимо прудика, прямо к тому месту, где стояли наши миски.

И там мы его увидели.

Кот.

Огромный. Просто гигантский. Серый, как грозовая туча, с мощными лапами, толстой шеей и мордой, на которой было написано: «Я здесь хозяин, а вы все — моя еда».

Он сидел над нашими мисками и жрал. Жрал наш корм. Жрал, не обращая на нас никакого внимания.

— Эй! — крикнул Сиях, выходя вперед. — Ты что делаешь? Это наше!

Серый даже не повернул головы. Он только покосился на нас одним глазом — и в этом взгляде было столько презрения, что я почувствовал, как мои лапы прирастают к земле.

— Цыц, мелочь, — прорычал он с набитым ртом. — Жрать мешаете.

Из кустов выскочила Сита. Она была храбрее нас — или просто глупее.

— Убирайся отсюда! — зашипела она, выгибая спину. — Это наша территория! Наши люди! Наша еда!

Серый медленно, очень медленно, повернул к ней голову. Он дожевал кусок, облизнулся и сказал:

— Слушай, серая. Ты красивая, спору нет. Но если ты сейчас не заткнешься, я из этой красоты сделаю половой коврик. Поняла?

Сита замерла. Ее храбрость мгновенно испарилась.

— Так-то лучше, — хмыкнул серый и снова уткнулся мордой в миску.

Мы стояли и смотрели, как он доедает наш завтрак. Сиях дрожал от злости, но не двигался. Я дрожал от страха. Сита спряталась за мою спину.

На крыльце появился Бонифаций. Он медленно спустился по ступенькам, ориентируясь по запаху, и остановился в нескольких шагах от серого.

— Кто ты? — спросил Боня спокойно, без страха.

Серый поднял голову. Он явно удивился — слепой кот его не впечатлил, но заинтересовал.

— Я Гром, — сказал он. — И это теперь моя еда. Вопросы?

— Вопросов нет, — так же спокойно ответил Бонифаций. — Но предупреждаю: здесь живут люди. Большие люди. Они могут не оценить твоих манер.

Гром усмехнулся. По-настоящему, по-кошачьи, обнажив клыки.

— Людей я не боюсь, рыжий. Я сам кого хочешь напугаю.

Он доел последний кусок, облизал лапу, умылся и, не сказав больше ни слова, исчез в кустах.

Мы остались стоять над пустыми мисками.

— Это конец, — прошептал Сиях. — Он будет приходить каждый день.

— Будет, — согласился Бонифаций. — Но не вечно.

Мы не поняли, что он имел в виду. Но очень скоро поняли.

Гром приходил каждый день. Иногда утром, иногда вечером. Он жрал нашу еду, пил нашу воду и даже спал на нашем самом теплом месте у стены дома. Если кто-то из нас пытался возражать, он просто бил лапой. Без злости, без ненависти — так, для порядка. Но бил больно.

Я однажды попробовал подойти к миске, когда он ел. Он даже не посмотрел на меня. Просто выпустил когти и полоснул по воздуху перед моим носом. Я отлетел на три метра и долго сидел под кустом, зализывая царапину на носу.

— Не лезь, — посоветовал Сиях. — Я уже пробовал. Бесполезно.

Мы привыкли. Мы ждали, пока Гром наестся, и только потом доедали остатки. Иногда остатков не было. Тогда мы шли к дому и жалобно мяукали под дверью, надеясь, что мама или папа дадут нам добавку.

Однажды случилось то, что мы запомнили надолго.

Папа вышел на крыльцо. Просто так, подышать воздухом. А Гром в этот момент как раз пробирался к мискам. Он шел через кусты, не глядя по сторонам, и вдруг...

Дверь распахнулась.

Гром замер. Папа замер. Мы замерли.

А потом Гром рванул.

Он вылетел из кустов как ракета. Прямо на крыльцо. Прямо мимо папы. Он чуть не снес дверь с петель, пронесся через прихожую и исчез где-то в глубине дома. Мы только и увидели его пушистый серый хвост, мелькнувший в темноте.

Папа от неожиданности присел и схватился за сердце.

— Ах ты ж... — выдохнул он. — Это что сейчас было?

Мы с Сияхом переглянулись. Нам было и страшно, и смешно одновременно. Гром, наш грозный Гром, который всех нас бил и ел нашу еду, испугался папы? Вот так просто?

Гром вылетел из дома через заднюю дверь через три секунды. Мы видели, как он несется через сад, перепрыгивает через забор и исчезает в кустах за пределами участка.

— Уф, — выдохнул Сиях. — Кажется, мы его больше не увидим.

— Вряд ли, — покачал головой Бонифаций, который наблюдал за всей этой сценой со своего места на крыльце. — Такие коты просто так не сдаются.

И он оказался прав.

На следующий день Гром вернулся.

Он сидел на заборе и смотрел на дом. Ждал. Высматривал. Когда папа вышел во двор, Гром спрыгнул с забора и... попятился. Но не убежал. Просто сел на почтительном расстоянии и стал ждать, пока папа уйдет.

— Смотрите, — шепнула Сита. — Он боится, но все равно пришел.

Папа заметил его.

— А, это ты, серый разбойник, — сказал он без злости. — Вчера напугал меня до чертиков. Ну и чего тебе надо?

Гром сидел и смотрел. Он не понимал слов, но понимал интонацию. Папа говорил спокойно. Папа не гнался за ним с метлой. Папа не кидал камни.

— Ладно, — вздохнул папа. — Есть хочешь, поди. Вечно голодный, боевой кот. И не кастрированный, сразу видно.

Он зашел в дом и вынес миску с едой. Поставил на землю, отойдя подальше.

— Ешь, раз пришел. Только наших не трогай, договорились?

Гром смотрел на миску. Смотрел на папу. Смотрел на нас. А потом медленно, очень медленно, подошел и начал есть.

Мы сидели в кустах и наблюдали.

— Он теперь будет жить с нами? — спросил я шепотом.

— Не знаю, — ответил Сиях. — Но похоже, папа его принял.

С тех пор Гром стал приходить регулярно. Он уже не дрался с нами. Он просто приходил, ел из отдельной миски, которую папа ставил специально для него, и уходил. Иногда он сидел на заборе и смотрел на сад. Иногда лежал под деревом и грелся на солнце. Он больше не бил нас. Он просто... был.

— Он охраняет дом, — сказал однажды Бонифаций. — Чужих котов теперь не будет. Он их всех разгонит. А своих не трогает. Так что считайте, что у нас появился сторож.

— Но он страшный, — пискнула Сита.

— Страшный — значит надежный, — философски заметил Боня. — Лучше иметь такого друга, чем такого врага.

Я смотрел на Грома, который лежал под деревом, положив голову на лапы, и думал: а ведь Бонифаций прав. Гром больше не враг. Он просто... большой, лохматый и немного дикий. Но свой.

Наверное, так и появляются настоящие семьи. Не сразу. Не вдруг. А постепенно, когда даже самые страшные враги становятся теми, кто будет защищать твой дом.

Я подошел к Грому и сел рядом. Не слишком близко, чтобы не злить. Просто сел и стал смотреть в ту же сторону, куда смотрел он.

Он покосился на меня, но ничего не сказал.

И этого было достаточно.

Глава шестая, в которой у Грома появляется имя, а у нас — загадка

Мы звали его Гром. Потому что он был большой, серый и грозный, как туча перед грозой. Когда он появлялся в саду, даже птицы замолкали. Даже ветер, кажется, стихал. Он был воплощением силы и опасности.

Но однажды мама вышла на крыльцо, посмотрела на него долгим взглядом и сказала:

— Да это же Сильвер.

Мы с Сияхом переглянулись. Сита наострила уши. Даже Бонифаций приподнял голову.

— Сильвер? — переспросил папа, выходя следом. — Тот самый?

— Тот самый, — кивнула мама. — Смотри, у него глаза нет. Левого. Я думала, он просто жмурится, а это шрам. Видишь?

Мы все устали на Грома. То есть Сильвера. Он сидел на своем обычном месте — под старым дубом, откуда было видно и миски, и дверь, и весь сад сразу. И тут я заметил то, чего не замечал раньше: левый глаз у него был закрыт. Не прищурен, а именно закрыт, и над ним тянулся тонкий белый шрам, почти незаметный в серой шерсти.

— В боях потерял, — тихо сказал папа. — Боевой кот. Живет на улице, дерется за территорию, за еду, за кошек. Такие долго не живут обычно.

— А этот живет, — мама покачала головой. — И к нам повадился.

Сильвер сидел и смотрел на них своим единственным глазом. Спокойно, без страха, но и без вызова. Просто смотрел.

— Сильвер, — сказала мама, будто пробуя имя на вкус. — Серебряный. Подходит тебе.

Кот моргнул. Может, понял, может, нет. Но что-то в его взгляде изменилось.

С тех пор мы стали звать его Сильвером. Сначала по привычке срывалось «Гром», но потом привыкли. Сильвер так Сильвер. Для такого кота даже имя должно быть особенным.

Он был странный, этот Сильвер.

Он приходил не каждый день. Иногда пропадал на два-три дня, иногда на неделю. Возвращался всегда голодный, грязный, часто с новыми царапинами и ранами. Шерсть у него была вечно свалявшаяся, пахло от него так, что мы, коты, и то морщились, а люди зажимали носы.

— Фу, Сильвер, — говорила мама, ставя ему миску. — Ну где ты опять лазил? На помойке? В подвалах?

Сильвер не отвечал. Он ел. Жадно, быстро, иногда рыча на пустоту, будто кто-то пытался отобрать у него еду. А потом уходил.

Но с каждым разом он задерживался чуть дольше. То посидит под деревом лишний час. То подремлет на солнышке. То просто понаблюдает за нами, как мы играем в саду.

— Он привыкает, — заметил как-то Бонифаций. — Осторожно, по чуть-чуть, но привыкает. Такие коты не доверяют просто так. У них доверие надо заслужить.

— А мы заслужили? — спросил я.

— Пока не знаю, — покачал головой Боня. — Но процесс идет.

Однажды Сильвер пришел такой, что мы все ахнули.

Он буквально ввалился в сад, припадая на переднюю лапу. Шерсть на боку была вся в крови, одно ухо разодрано в клочья, а хромал он так сильно, что каждый шаг давался ему с трудом.

— Мама! — закричал я по-кошачьи, хотя она меня не слышала. — Мама, скорее!

Мама вышла на крыльцо и сразу всё поняла.

— Ой, Сильвер, — выдохнула она. — Кто ж тебя так?

Она подошла к нему медленно, очень медленно, говоря что-то успокаивающим голосом. Сильвер смотрел на нее своим единственным глазом, и в этом взгляде было всё: боль, страх, недоверие... и надежда.

Она протянула руку.

Я зажмурился. Я думал, он сейчас ударит лапой, выпустит когти, зашипит, убежит. Он же дикий. Он же никому не дает себя трогать.

Но Сильвер... не тронулся с места.

Мама осторожно взяла его больную лапу. Сильвер дернулся, но не отнял. Только зашипел тихо-тихо, скорее от боли, чем от злости.

— Тише, тише, — приговаривала мама. — Сейчас посмотрим, что у тебя тут.

Я сидел в кустах и буквально кричал внутри: «Ему же больно! Зачем ты трогаешь?!» Но Сильвер терпел. Он смотрел на маму, и в его единственном глазу я видел что-то невероятное — доверие.

Он доверял ей.

Мама ушла в дом и вернулась с аптечкой. Достала какую-то мазь, ватку, бинты. Сильвер лежал на траве, тяжело дыша, и позволял ей обрабатывать свои раны. Он даже когти не выпустил. Ни разу.

— Какой ты молодец, — шептала мама. — Какой терпеливый. Кто ж тебя так? С собаками подрался? С другими котами?

Сильвер молчал. Но когда мама закончила и погладила его по голове, он вдруг... перевернулся на спину.

Мы все ахнули.

Сильвер — и на спине. Сильвер — и подставляет живот. Это же полное доверие! Это же «я твой, делай со мной что хочешь»!

Мама засмеялась и почесала ему пузо. Сильвер жмурился от удовольствия и даже, кажется, пытался мурчать. Правда, получалось у него плохо — мурчалка, видимо, давно не использовалась и заржавела.

— Ну вот, — сказала мама. — А говорили — дикий. Просто никто тебя не гладил никогда.

С этого дня Сильвер начал меняться.

Он все так же приходил не каждый день, но теперь, если мама или папа выходили во двор, он не прятался. Он подходил. Иногда сам, иногда после того, как его звали. Он давал себя гладить, подставлял голову и даже терся о ноги.

Но при этом он оставался Сильвером. В нем всегда чувствовалась эта грань: «Я с вами, я вас уважаю, но границ не переходите».

Когда мама пыталась взять его на руки, он мягко, но настойчиво уворачивался. Когда папа слишком долго чесал за ухом, Сильвер отодвигался ровно настолько, чтобы сохранить дистанцию.

— Он как настоящий джентльмен, — смеялась мама. — Соблюдает этикет.

— Или как старый воин, — добавлял папа. — Который помнит, что враги могут быть везде. Даже среди друзей.

А однажды случилось то, что поразило меня до глубины души.

Сильвер лежал под дубом, мы с Сияхом играли рядом. Вдруг Сиях слишком близко подбежал к нему, запнулся и упал прямо на Сильвера.

Я замер. Сейчас будет взрыв. Сейчас Сильвер вскочит, зашипит, ударит...

Ничего не случилось.

Сильвер открыл свой единственный глаз, посмотрел на растерянного Сияха, фыркнул и... лизнул его в ухо.

Один раз. Коротко. Будто сказал: «Живи, мелочь».

А потом снова закрыл глаз и продолжил дремать.

Мы с Сияхом переглянулись. Сита, наблюдавшая с крыльца, приоткрыла рот от удивления. Бонифаций одобрително качнул хвостом.

— Он принял нас, — тихо сказал Боня. — Не как чужих. Как младших. Как тех, кого надо защищать.

— Но он же дикий! — пискнула Сита.

— Дикий, — согласился Бонифаций. — Но свое он уже выбрал. Он выбрал этот дом. Этих людей. И нас заодно. Просто пока не говорит об этом вслух.

Я посмотрел на Сильвера. Он лежал под дубом, серый, огромный, одноглазый, весь в шрамах, и казался мне самым красивым котом на свете.

Потому что внутри него, глубоко-глубоко, там, где никто не видел, жило что-то настоящее. Что-то, что он отдавал нам по кусочкам. Понемногу. Осторожно.

Как доверие.

Как дружбу.

Как семью.

Глава седьмая, в которой нас предали, а потом всё объяснили

Этот день начинался обычно. Солнце светило, птички пели, Сиях с утра уже успел дважды стукнуть меня лапой за то, что я занял его любимое место на подоконнике. Мы позавтракали, подрались, помирились и улеглись досыпать на веранде.

Жизнь была прекрасна.

А потом случилось ОНО.

Я даже не понял сначала, что происходит. Мама подошла ко мне сзади — ну, подошла и подошла, я же свой, я доверяю — и вдруг... хоп! Меня подхватили, засунули в какую-то тесную сумку и застегнули молнию.

— Мя-а-а-а! — заорал я, но молния уже закрылась, и я оказался в темноте.

Рядом, в такой же сумке, орал Сиях. Мы перекрикивались через стенку сумки:

— Ики! Ты где?!

— Не знаю! Меня засунули! Это конец!

— Нас предали! Я всегда знал, что людям нельзя доверять!

— Мама! Ма-а-а-ма!

Потом нас куда-то понесли. Я слышал шаги, потом звук открывающейся машины, потом меня куда-то поставили, и всё загудело. Машина поехала.

Я сидел в этой дурацкой сумке и трялся. В прямом смысле — трялся от страха и от того, что машина тряслась на дороге. В животе всё переворачивалось. Я пытался продрать когтями ткань, но она была какая-то непробиваемая.

— Сиях! — крикнул я. — Ты жив?!

— Жив! — донеслось откуда-то справа. — Но если выживу — укушу папу! И маму! И вообще всех!

Ехали долго. Целую вечность. Мне казалось, что нас везут на край света, чтобы там бросить. Как ненужных котят. В коробке. Под дождем.

Я вспомнил, как Боня рассказывал про свое спасение, и мне стало совсем плохо. Неужели и нас сейчас выбросят?

Машина остановилась. Нас снова понесли. Я слышал какие-то голоса, шаги, потом открылась дверь, и запахло... странно. Лекарствами. Чистотой. Чем-то неприятным, от чего хотелось чихать.

Меня вытащили из сумки.

Я огляделся. Мы были в какой-то комнате, белой-белой, с ярким светом. Передо мной стояла девочка в белой одежде и улыбалась.

— Ой, какие красивые черные котики! — сказала она.

— Не подходи! — заорал я. — Я тебя укушу! Я дикий! Я опасный!

Девочка не поняла. Она взяла меня на руки, и тут я увидел, как папа и мама... уходят. Они просто взяли и пошли к двери!

— Стойте! — закричал я. — Вы куда?! Вернитесь! Не бросайте меня!

Мама обернулась, посмотрела на меня грустными глазами и сказала:

— Мы скоро вернемся, малыш. Потерпи.

И ушла.

Дверь закрылась.

Меня предали.

Я закричал. Я орал так громко, как никогда в жизни. Я вырывался, пытался царапаться, кусаться — но девочка держала крепко. А потом мне сделали укол.

И всё исчезло.

...

Я не знаю, сколько прошло времени. Может, минута. Может, час. Может, целая жизнь.

Я открыл глаза и ничего не понял. Вокруг было мутно, голова кружилась, а под хвостом ... что-то болело. Я попробовал пошевелиться и понял, что лежу на чем-то мягком, а рядом...

— Мама? — прошептал я.

Она сидела рядом. Моя мама. Настоящая. Живая. Она гладила меня по голове и улыбалась.

— Проснулся, малыш? — спросила она тихо. — Всё хорошо. Мы скоро поедем домой.

Я попытался сесть, но боль пронзила все тело, и я снова упал.

— А-а-а-а! — заорал я. — Меня порезали! Меня убили! Я умираю! Мама, я умираю!

Я орал, как недорезанный. Потому что я и был недорезанный. Меня разрезали! Меня зашили! Что они со мной сделали?!

Мама пыталась меня успокоить, гладила, говорила что-то ласковое, но я не слышал. Я орал. Орал так, что, наверное, в соседних домах коты проснулись.. Рядом в такой же лежанке очнулся Сиях. Он посмотрел на меня мутными глазами и заорал тоже.

Мы орали дуэтом. Кошачий хор имени Икинджи и Сияха.

— Что они сделали с нами?! — вопил я.

— Нас разрезали! — вторил Сиях.

— Нас предали! Разрезали и зашили обратно!

— Зачем?! За что?!

Мама и папа переглянулись и почему-то засмеялись. Вот как они могли смеяться, когда у нас такая трагедия?!

Потом нас снова засунули в сумки, отнесли в машину и повезли. Всю дорогу я орал. У меня все болело, кружилась голова, я не мог сидеть, и я был абсолютно, стопроцентно уверен, что жизнь кончена.

Но когда нас привезли домой и выпустили на траву, что-то изменилось.

Трава пахла так же. Солнце светило так же. Веранда была на месте. Бонифаций дремал на крыльце. Сита выглядывала из кустов. Старый Блэк даже не пошевелился — ему вообще было все равно.

Я сделал шаг. Потом другой. Под хвостом болело, но терпимо. Я дошел до своей миски — в ней была свежая вода. Я попил. Потом лег на траву и закрыл глаза.

Дом.

Я дома.

Через пару дней я пришел в себя. Я научился ходить осторожно, чтобы не было больно. Сиях тоже оклемался, и мы даже пару раз попытались подраться, но быстро поняли, что драка сейчас — плохая идея.

А вечером Бонифаций позвал нас на серьезный разговор.

— Садитесь, мелкие, — сказал он. — Рассказывайте, что было.

Мы с Сияхом наперебой начали жаловаться. Как нас засунули в сумки, как увезли, как бросили, как резали, как зашивали, какой ужас, какой кошмар.

Бонифаций слушал молча. Когда мы закончили, он вздохнул и сказал:

— Глупые вы еще. Это не предательство. Это забота.

Мы переглянулись.

— Чего-чего?

— Вас возили к ветеринару, — объяснил Боня. — Это такой доктор для котов. Он сделал вам прививки — чтобы вы не болели. И еще... — он сделал паузу. — Вас кастрировали.

— Чего сделали? — не понял я.

— Ка-стри-ро-ва-ли, — по слогам повторил Боня. — Это такая операция. Чтобы вы не дрались за кошек, не орали по ночам и не метили всё подряд.

— А... это больно? — спросил Сиях.

— Сначала больно. Потом проходит. А главное — теперь вы будете спокойнее. И жить дольше. И люди вас больше любить будут, потому что от вас не будет пахнуть, как от тех диких котов.

Я задумался. Вспомнил Сильвера. Он же не кастрированный, папа говорил. И что? Он дерется, пропадает, приходит весь в ранах.

— А Сильвер? — спросил я.

— Сильвер — другое дело, — покачал головой Боня. — Он уже взрослый. Он сам выбрал свою жизнь. А вам люди дали шанс на хорошую, спокойную жизнь. Без драк, без голода, без холода. Это не предательство. Это забота.

Я снова задумался. Забота? Ну, не знаю. Резать по живому и называть это подарком... Странные у людей представления о заботе.

Но потом я посмотрел на миску с едой. На теплую веранду. На маму, которая вышла и помахала нам рукой. На папу, который нес нам вкусняшки.

И понял: Боня прав.

Они нас не предали. Они нас спасли. По-своему, по-человечески, странно и больно, но спасли.

— Ладно, — сказал я. — Жить будем.

— Жить будем, — согласился Сиях. — Только я все равно обиделся. Хотя бы предупредили.

— А если бы предупредили, ты бы пошел? — спросил Боня.

Сиях задумался. Потом честно ответил:

— Нет.

— Вот видишь. Поэтому и не предупреждают. Иногда любовь — это сделать больно, чтобы потом было хорошо.

Я посмотрел на Боню. Огромный, слепой, мудрый. Он столько всего знает. И столько всего понимает.

— Боня, — спросил я. — А тебя тоже... того?

Он усмехнулся.

— Меня? Конечно. Меня просто спасли и оставили жить. Но я своих котят никогда не имел, так что разницы особой нет.

Мы посидели молча. Солнце садилось за крышу. Сильвер, как обычно, лежал под дубом и наблюдал за садом своим единственным глазом. Сита мурлыкала на подоконнике. Старый Блэк, кажется, даже не заметил, что мы весь день отсутствовали.

А я вдруг понял, что это и есть счастье.

Просто лежать на теплой траве, чувствовать, как стихает боль, и знать, что завтра будет новый день. И еда. И игры. И мама, которая погладит.

И никаких больше сумок.

Надеюсь.

Глава восьмая, в которой Сиях решил, что он птица, а папа — альпинист

В нашей кошачьей жизни бывают дни спокойные, а бывают... такие.

Этот день начинался обычно. Солнце, трава, птички. Сиях с утра был какой-то нервный. Бегал по саду, задира голову вверх, на деревья смотрел.

— Чего ты? — спросил я, когда он в пятый раз обежал вокруг беседки.

— Высоко хочу, — ответил он загадочно.

Я не придал значения. Сиях вообще любил говорить загадками. Наверное, от Бонифация набрался.

Мы позавтракали, немного подрались, немного помирились. Сита наблюдала за нами с видом «какие же вы дураки, мальчишки». Боня грелся на солнышке. Блэк, как всегда, где-то там, в своем мире.

А потом Сиях исчез.

Я сначала не заметил. Ну, бегали вместе, а потом я увлекся бабочкой, отвлекся, а когда оглянулся — Сияха нет.

— Сиях! — позвал я. — Ты где прячешься? Выходи, нечестно!

Тишина.

Я обошел сад. Заглянул под кусты, под веранду, даже в будку, где хранили садовые инструменты. Пусто.

— Сита, ты видела Сияха? — спросил я.

— Только что здесь был, — пожала плечами она. — Куда он мог деться?

Мы обыскали весь сад. Боня подключил свой нюх, но даже он не мог понять, куда испарился черный кот.

А потом я поднял голову.

И обомлел.

На крыше беседки сидел Сиях.

Он сидел на самом коньке, вцепившись когтями в дерево, и смотрел вниз круглыми от ужаса глазами.

— Сиях! — заорал я. — Ты как туда залез?!

— Я... я не знаю! — жалобно ответил он. — Я просто прыгнул... думал, допрыгну... а тут высоко!

— Спускайся!

— Не могу! Страшно!

Он попробовал переступить лапами, поскользнулся, и одна черепица с грохотом полетела вниз. Сиях замер, прижав уши.

— Я умру! — завопил он. — Я разобьюсь! Прощай, Ики! Передай маме, что я ее любил!

— Сам передашь! — крикнул я. — Сиди там и не двигайся! Я позову людей!

Я рванул к дому и заорал под дверью так, что, наверное, в соседнем районе услышали. Мама выскочила сразу.

— Что случилось? Пожар? Кошка родила? Где?!

Я бегал вокруг нее, подпрыгивал, тыкался мордой в сторону беседки и орал. Мама, к счастью, поняла. Она пошла за мной, и когда увидела Сияха на крыше... она сначала ахнула, а потом почему-то засмеялась.

— Сиях, — сказала она, задрав голову. — Ты как туда залез?

— Мя-а-а-а! — ответил Сиях.

— Ладно, — вздохнула мама. — Папа сейчас придет, будет тебя спасать.

Она ушла в дом и через минуту вышла с папой. Папа посмотрел на Сияха, почесал затылок и сказал то, что мы, коты, запомнили навсегда:

— Ну, блин, козел. Допрыгался.

Он принес лестницу. Большую, тяжелую, которую обычно использовал, чтобы чистить листья в водостоках. Приставил к беседке и начал подниматься.

Сиях увидел папу и... запаниковал.

Он вскочил и попятился по крыше. Черепица загремела, одна плитка сорвалась и чуть не попала папе по голове.

— Стоять! — крикнул папа. — Сидеть! Не двигайся!

Но Сиях его не слушал. Он был в ужасе. Он метался по крыше, скользил, цеплялся когтями, орал дурниной. Папа лез за ним.

— Стой, дурак! — кричал папа. — Я тебя спасаю!

— Мя-а-а-а! — орал Сиях.

— Не ори!

— Мя-а-а-а!

Мы с Ситой сидели внизу и смотрели этот цирк. Даже Боня выполз на крыльцо и прислушивался.

— Чего там? — спросил он.

— Папа гоняет Сияха по крыше, — ответил я.

Боня помолчал, потом сказал:

— Я думал, я всё в этой жизни слышал.

Папа тем временем добрался до конька. Он сидел верхом на крыше, как на лошади, и пытался дотянуться до Сияха. А Сиях перебежал на другой скат и теперь орал оттуда.

— Иди сюда! — звал папа.

— Не пойду! — орал Сиях.

— Сейчас упадешь!

— Не упаду!

— Сейчас я сам упаду!

Мама внизу держалась за живот и смеялась. Слезы текли у нее по щекам.

— Я... я не могу... — всхлипывала она. — Ты посмотри на них!

Папа решил сменить тактику. Он слез с конька и полез по скату туда, где сидел Сиях. Медленно, осторожно, цепляясь за черепицу.

Сиях понял, что деваться некуда. Он забился в самый угол, где крыша соединялась со стеной, и приготовился к смерти.

Папа подполз, протянул руку и схватил его за шкуру.

— Ага! Попался! — сказал он с победой в голосе.

Сиях заорал так, будто его режут. Но папа держал крепко. Он сунул кота под мышку и начал спускаться.

Это было самое смешное зрелище в моей жизни. Папа, огромный, сидит на крыше, спускает ноги вниз, ищет ступеньку лестницы, а у него под мышкой торчит черный кошачий зад и хвост, который хлещет во все стороны.

— Держись! — кричала мама снизу.

— Держусь! — кряхтел папа.

— Мя-а-а-а! — верещал Сиях.

Наконец папа спустился. Он поставил Сияха на землю, и тот сразу же рухнул на траву, раскинув лапы в стороны.

— Всё, — выдохнул папа. — Я слишком стар для такого экстрима.

Он сел рядом с Сияхом и тяжело дышал. Мама подошла, погладила папу по голове, потом Сияха.

— Герой, — сказала она папе. — Спас кота.

— Идиот, — сказала она Сияху. — Чуть папу не угробил.

Сиях лежал и смотрел в небо. В его глазах читалось: «Я видел смерть. Она была близко. Но я выжил».

Я подошел и ткнул его носом.

— Живой?

— Кажется, — прошептал он. — Ики, это было страшно.

— А я тебе говорил — не лезь на крышу.

— Я не лез. Я прыгнул. Думал, допрыгну до ветки, а ветка не допрыгнулась.

Я вздохнул. С этим котом точно что-то не так.

Вечером мы все сидели на веранде. Сиях прижимался ко мне боком и дрожал. Папа сидел в кресле с чашкой чая и периодически потирал спину.

— У меня теперь всё болит, — жаловался он маме. — Я неделю буду отходить.

— Зато какой опыт, — улыбалась мама. — Теперь ты умеешь спасать котов с крыш.

— Я вообще-то хотел спокойную старость, — бурчал папа.

Бонифаций, который всё слышал, повернул голову в их сторону и сказал:

— Спокойная старость бывает только у тех, у кого нет котов.

Мама и папа засмеялись. А мы с Сияхом переглянулись.

Он прав, наш Боня. Абсолютно прав.

С тех пор Сиях на крыши больше не лазает. Он теперь даже на забор смотрит с подозрением.

А папа иногда подходит к беседке, задирает голову и говорит:

— Нет, ну надо же было такому случиться...

И уходит, качая головой.

Мы делаем вид, что не понимаем, о чем он.

Но на самом деле понимаем.

Это любовь.

Странная, человеческая, но любовь.

Глава девятая, в которой мы расследуем преступление века

Это утро началось с крика.

Я еще спал, свернувшись калачиком на своем любимом месте у двери, когда мама вдруг заорала так, что я подпрыгнул на полметра и врезался головой в косяк.

— А-а-а-а! — кричала мама. — Что это?!

Я выбежал на крыльцо и замер.

На крыльце лежала птица.

Мертвая.

Самая настоящая мертвая птица — серая, с растрепанными перьями, без признаков жизни.

— Ой, — сказал я вслух. — Вот это да.

Из дома вылетел папа. Он посмотрел на птицу, потом на меня, потом снова на птицу.

— Кто? — спросил он строго.

— Не я! — быстро сказал я. — Честное кошачье, не я!

Подбежал Сиях, заспанный, с прижатыми ушами.

— Чего орут? Пожар? Еда? Что за птица? Я не ел!

— Это ты принес? — папа посмотрел на него.

— Я?! — Сиях аж поперхнулся. — Зачем мне это? Я вообще мышей боюсь! А птиц — тем более! Они летают и клюются!

Из кустов вылезла Сита. Она потянулась, зевнула и только потом заметила птицу.

— Ой, — сказала она. — Красивая. Мертвая. Кто убил?

— Вот и я хочу знать! — мама всплеснула руками. — Кто из вас притащил эту бедолагу?

Мы переглянулись. Сиях — не я. Сита — не я. Я — не я.

— Может, Боня? — предположил я шепотом.

— Боня слепой! — фыркнул Сиях. — Он птицу поймать не сможет, даже если она сама ему в лапы сядет. Он ее не увидит.

— Блэк?

Мы посмотрели на старика Блэка. Он лежал на своем обычном месте, даже не пошевелился. Если бы он притащил птицу, он бы, наверное, умер от такого подвига.

— Сильвер? — спросила Сита.

Мы все уставились под дуб.

Сильвер сидел на своем месте и смотрел на нас единственным глазом. Выражение его морды было совершенно непроницаемым.

— Сильвер, это ты? — крикнул я.

Он медленно, очень медленно, отвернулся и стал смотреть в другую сторону.

— Это он! — заорал Сиях. — Смотрите, он отворачивается! Это он!

Мама тоже посмотрела на Сильвера.

— Сильвер, — сказала она строго. — Это твоих лап дело?

Сильвер сделал вид, что не слышит. Он вообще был мастер делать вид, что не слышит, когда ему что-то не нравилось.

Папа вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Кто бы это ни был, птицу надо убрать.

Он взял совок, сгреб мертвую птицу и унес в мусорку.

Мы остались сидеть на крыльце и думать.

— Это не Сильвер, — сказал вдруг Бонифаций.

Мы обернулись. Боня вышел на крыльцо и сел рядом, принюхиваясь.

— Почему ты думаешь? — спросил я.

— Потому что Сильвер — боевой кот, — объяснил Боня. — Он дерется с кошками, с собаками, с кем угодно. Но птицы... птицы — это не его. Слишком мелко. Слишком просто. Он бы постеснялся.

— А кто тогда?

Боня задумался.

— Есть кто-то еще. Кого мы не знаем. Кто приходит, когда мы спим, и оставляет подарки. Мы переглянулись. От этих слов стало немного жутко.

— Тайный кот? — прошептал Сиях.

— Или не кот, — загадочно сказал Боня.

— А кто? — Сита расширила глаза.

Боня помолчал, потом изрек:

— Собака.

Мы все дружно фыркнули. Собака? Наш двор? Собака, которая приносит мертвых птиц? Да ну, бред.

— Ладно, — сказал я. — Будем следить.

Три дня мы следили.

Каждую ночь мы по очереди дежурили на крыльце. Сиях дежурил первую ночь — и уснул через полчаса. Сита дежурила вторую — но испугалась летучей мыши и убежала в дом. Я дежурил третью — и ничего не увидел, кроме того, что луна очень яркая и спать хочется ужасно.

А на четвертое утро птица снова лежала на крыльце.

— Та-а-ак, — сказал папа, выходя и натываясь надохлую птицу. — Это уже система.

Мы сидели вокруг птицы, как следователи на месте преступления. Сильвер по-прежнему делал вид, что он тут ни при чем. Блэк, кажется, вообще не заметил, что что-то происходит.

— Надо ставить камеру, — решила мама.

— Какую камеру? — удивился папа.

— Видеокамеру. Смотреть, кто ночью приходит.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Я хочу знать, кто нам делает такие... подарки.

Папа вздохнул, но спорить не стал. Вечером он принес какую-то маленькую коробочку, прикрепил ее над дверью и сказал:

— Ну всё. Завтра узнаем.

Ночь была долгой. Мы с Сияхом прилипли к окну, пытаясь разглядеть хоть что-то в темноте. Бонифаций сидел рядом и прислушивался.

— Слышу шаги, — сказал он вдруг. — Легкие. Осторожные.

Мы замерли.

На крыльце что-то шевельнулось.

— Кто там? — прошептал я.

— Не видно, — прошептал в ответ Сиях. — Темно.

Шорох прекратился. Потом раздался тихий стук — будто что-то упало на деревянный пол.

— Положил! — заорал я. — Он положил!

Мы бросились к двери, но дверь была закрыта. Пришлось ждать утра.

Утром мы вылетели на крыльцо первыми.

На полу лежала птица. Свежая. Только что убитая.

А рядом с птицей сидел... Сильвер.

Мы замерли.

Сильвер посмотрел на нас своим единственным глазом, потом перевел взгляд на птицу, потом снова на нас.

— Это ты? — спросил я, не веря своим глазам.

Сильвер молчал.

— Ты приносишь птиц?

Молчание.

— Зачем?

И тут Сильвер сделал нечто невероятное. Он пододвинул птицу лапой ближе к двери. Прямо к тому месту, куда мама обычно ставила его миску.

Бонифаций, который тоже вышел на крыльцо, вдруг засмеялся. По-кошачьи, усмешкой.

— Я понял, — сказал он. — Сильвер вас подкармливает.

— Чего?! — вскрикнули мы с Сияхом хором.

— Он думает, что вы мелкие и беспомощные. Что сами не можете поймать еду. Он приносит вам добычу. Как котяткам.

Мы уставились на Сильвера.

Одноглазый, битый, дикий кот, который никого не подпускает ближе чем на метр, — приносит нам птиц. Потому что считает нас мелкими и беспомощными.

— Сильвер... — сказал я растроганно. — Ты... ты заботишься о нас?

Сильвер фыркнул, отвернулся и пошел под свой дуб. Но по дороге он чуть замедлил шаг и едва заметно мотнул хвостом.

Этот жест мы уже знали. Он значил: «Да, но не берите в голову, я крутой и вообще это случайно».

Мама вышла на крыльцо, увидела птицу, потом Сильвера под дубом, и вдруг всё поняла.

— Ах ты, — сказала она тихо. — Это ты нам подарки носишь?

Сильвер сделал вид, что не слышит.

Мама подошла к нему, села рядом на траву и погладила его по голове.

— Спасибо, Сильвер, — сказала она. — Ты настоящий охотник. Самый лучший.

Сильвер жмурился от удовольствия, но вида не показывал. Он был крутой. Он был дикий. Он просто заботился о своей странной семье — людях и котах, которые не умеют ловить птиц.

С тех пор птицы на крыльце появляются регулярно. Мы уже привыкли. Мама вздыхает, папа ворчит, но убирает.

А мы с Сияхом иногда подходим к Сильверу и говорим:

— Спасибо, дядя. Ты крутой.

Он молчит. Но хвостом виляет чуть-чуть.

По-нашему, по-кошачьи, это значит: «Я вас люблю, дуралеи».

И мы знаем, что он нас любит. И мы его любим.

Глава десятая, в которой Мурка возвращается (и снова уходит, но теперь мы знаем, что она есть)

После истории с птицами мы немного успокоились. Сильвер продолжал приносить свои «подарки», папа продолжал их убирать, мама продолжала ворчать. Всё шло своим чередом.

А потом однажды утром мы нашли на ступеньках крыльца мышь.

Маленькую. Серенькую. Мёртвую.

Она лежала аккуратно, почти красиво, как будто её специально положили — головой к двери, хвостиком вниз.

— Опять, — вздохнула мама, выходя с кофейной кружкой. — Ну кто же это?

— Наверное, Сильвер, — предположил папа, выглядывая из-за её плеча.

Мы все посмотрели под дуб. Сильвер лежал на своём обычном месте, но я заметил — он приоткрыл свой единственный глаз и наблюдал за нами.

— Это не Сильвер, — сказал я тихо.

— Почему ты думаешь? — спросила Сита.

— Потому что Сильвер приносит птиц. Он гордый охотник, ему мыши... как бы это сказать... не его уровень.

— Мелковато, — кивнула Сита. — Да, Сильвер бы не стал. Он мышей не ловит.

Мы снова посмотрели на Сильвера. Он сделал вид, что дремлет, но уголки его усов чуть приподнялись — как будто он улыбался.

— Кто же тогда? — спросил Сиях, подходя и нюхая мышь. — Может, у нас завёлся ещё один тайный охотник?

Боня, который тоже выполз на крыльцо, понюхал воздух и сказал:

— Мышь пахнет полем. И... не одна.

— Что значит «не одна»? — мы все уставились на него.

— Была ещё одна. Другая. Живая. И кто-то, кто её нёс. Свой.

— Свой? — переспросил я.

— Свой, — повторил Боня загадочно. — Подождите. Всё узнаете.

Мы ждали.

Вечером, когда солнце уже садилось и сад наполнился розовым светом, мама вышла на крыльцо подышать воздухом. Я сидел рядом, греясь на ещё тёплых досках.

И вдруг я увидел её.

На краю сада, у самой калитки, сидела кошка. Черепехового окраса, пушистая, с белой грудкой и большими зелёными глазами. Она сидела и смотрела на дом. В её взгляде было что-то знакомое и одновременно чужое — как будто она здесь когда-то была, но давно, очень давно.

— Мама, — я ткнулся её носом в руку. — Смотри.

Мама подняла глаза. И замерла.

— Мурка, — прошептала она. — Господи, Мурка!

Кошка на краю сада чуть шевельнулась, но не убежала. Она смотрела на маму, и в её глазах было столько... всего. Тоска. Надежда. Робость. И ещё что-то — какая-то немая мольба, которую понимаешь сердцем, даже если не слышишь слов.

— Мурка, девочка моя, — мама спустилась с крыльца и медленно, очень медленно, чтобы не спугнуть, пошла к ней. — Ты жива. Ты вернулась.

Мама говорила, а голос у неё дрожал. Я видел, как блестят её глаза в вечернем свете. Она боялась спугнуть Мурку, боялась, что та сейчас развернётся и исчезнет — как тогда, много лет назад, когда приехали гости с собакой.

— Мурка, — повторила мама, опускаясь на колени. — Мурка, милая...

Мурка сделала шаг навстречу. Потом ещё один. Она шла осторожно, будто боялась, что это сон. Будто не верила, что её всё ещё помнят, всё ещё ждут, всё ещё любят.

Когда мама протянула руку, Мурка не отшатнулась. Она ткнулась носом в мамины пальцы — сначала робко, чуть касаясь, а потом сильнее, будто проверяла, настоящие ли они. И замурчала.

Тихо. Еле слышно.

Но я слышал.

Это было мурчание кошки, которая нашла то, что искала много месяцев. Которая прошла через страх, холод, одиночество — и вот она снова дома.

— Где же ты пропадала? — шептала мама, гладя её. — Мы же думали... мы же искали... Мы думали, ты погибла.

Мурка тёрлась о её ноги, оставляя на джинсах свою серую шерсть. Она была худая, слишком худая, шерсть свалялась, рёбра проступали под кожей. Но в её глазах горел огонь — тот самый, который был у неё когда-то, когда она впервые пришла к нашему дому и решила остаться.

Мама заплакала. Тихо, беззвучно, и слёзы текли по её щекам, а она всё гладила и гладила Мурку, приговаривая:

— Живая. Моя девочка. Живая.

Мы, коты, сидели на крыльце и смотрели. Сита прижалась ко мне — у неё на глазах тоже блестело. Боня слушал и улыбался. Даже Блэк выглянул из своего угла и замер, глядя на эту встречу.

Сиях сидел тихо — впервые за долгое время он не рвался вперёд, не задавал глупых вопросов. Он просто смотрел и, кажется, понимал: сейчас происходит что-то очень важное.

Мурка подняла голову и посмотрела на нас. Её зелёные глаза скользнули по крыльцу — по мне, по Сияху, по Сите, по Боне. Она никого не боялась. Она знала: здесь свои.

— Это наши, — сказал я ей. — Тоже семья. Ты теперь с нами.

Мурка чуть наклонила голову, будто услышала. Потом снова ткнулась носом в мамину ладонь и замурчала громче.

— Пойдём в дом, — сказала мама, вытирая слёзы. — Пойдём, я тебя накормлю. Ты же голодная, бедная.

Она подхватила Мурку на руки — ту, худую, лёгкую, почти невесомую — и понесла в дом. Мурка не сопротивлялась. Она прижалась к маме и закрыла глаза.

Я смотрел им вслед и думал: вот оно, счастье. Когда тебя ждут. Когда помнят. Когда любят даже после долгой разлуки.

В доме мама поставила Мурке самую большую миску. Насыпала самого вкусного корма — того, который обычно берегла для праздников. Поставила рядом мисочку с водой.

— Ешь, — сказала она. — Ешь, моя хорошая.

Мурка ела. Жадно, быстро, будто боялась, что еда исчезнет. Но постепенно, по мере того как живот наполнялся, она замедлялась. Начинала жевать более спокойно, иногда поднимала голову и оглядывалась — проверяла, всё ли в порядке, все ли на месте.

Мама сидела рядом и гладила её. Не отходила ни на шаг.

Мы, коты, осторожно заходили в комнату, знакомились. Сита первой подошла — вежливо, с достоинством.

— Здравствуй, — сказала она. — Я Сита. Добро пожаловать домой.

Мурка посмотрела на неё, чуть прищурилась — и лизнула в ухо. Сита аж растерялась от такой неожиданной ласки, но потом довольно замурчала.

Сиях подошёл следующим. Он важно сел напротив Мурки, расправил усы и сказал:

— Я Сиях. Я здесь главный. Но ты не бойся — я добрый. Иногда.

Мурка посмотрела на него долгим взглядом, и мне показалось, что в её глазах мелькнула усмешка. Потом она отвернулась и продолжила есть.

— Она меня не боится, — гордо сказал Сиях. — Я произвёл впечатление.

— Она тебя просто не заметила, — фыркнула Сита.

— Заметила! Она взглядом сказала: «О, какой важный кот!»

— Она взглядом сказала: « Дай поесть, не мешай».

Мы засмеялись.

Подошёл Боня. Он долго стоял рядом, прислушиваясь к дыханию Мурки, к её мурчанию, к её запаху. Потом сказал:

— Ты много пережила. Но теперь ты дома. Отдыхай.

Мурка подняла голову, посмотрела на слепого кота, который видел больше, чем любой зрячий, и чуть заметно кивнула.

А когда стемнело, Мурка встала.

— Ты куда? — спросила мама.

Мурка посмотрела на неё долгим взглядом. В этом взгляде было: «Я должна. Я вернусь. Но сейчас — должна».

Она подошла к двери. Мама открыла. Мурка постояла на пороге, оглянулась на нас всех — на маму, на папу, на котов, на тёплый дом с горящим светом.

И ушла.

В темноту. В ночь. Туда, где её никто не ждал, кроме леса и звёзд.

— Мурка! — крикнула мама вслед. — Ты вернёшься?

Тишина.

Мама стояла на крыльце, смотрела в темноту и плакала. Мы сидели рядом — я, Сита, Сиях, Блэк вышел и сел у маминых ног.

— Вернётся, — сказал я. — Она же сказала.

Мама не слышала слов, но почувствовала мой взгляд. Она погладила меня по голове и прошептала:

— Хорошо бы.

Мы ждали. Весь вечер. Всю ночь.

Мурка не вернулась.

На следующий день мама несколько раз выходила на крыльцо, звала её. Но в ответ только ветер шуршал листьями да птицы перекликались в саду.

— Ушла, — вздыхал папа. — Лесная она. Дикая. Не сможет она в доме жить.

— Но она же приходила, — возражала мама. — Значит, помнит. Значит, любит.

— Любит, — соглашался папа. — Но по-своему.

Мы все были расстроены. Сиях ходил грустный. Сита часами сидела на крыльце, глядя на калитку.

Я тоже ждал. Смотрел на звёзды, думал о Мурке, о её зелёных глазах, о том, как она тёрлась о мамины ноги. И верил: она вернётся.

Она ведь обещала.

Глава одиннадцатая, в которой Мурка приводит котят (и все сходят с ума)

Мурка стала приходить каждый вечер. Она появлялась на заборе, когда солнце начинало садиться, сидела там какое-то время, наблюдая за двором, а потом прыгивала и медленно, с достоинством настоящей лесной королевы, шла к миске.

Но в тот вечер всё было по-другому.

Я первый заметил её из-за кустов. Она шла не одна. За ней, цепочкой, как утята за уткой, топали четверо маленьких комочков.

— Сиях! — зашипел я. — Сиях, сюда быстро!

Сиях выскочил из-под крыльца, где он досматривал свои героические сны, и замер.

— Ничего себе, — выдохнул он. — Четверо?!

— Ага. Четверо.

Мы прижались к земле и стали наблюдать.

Мурка шла гордо. Я никогда не видел её такой. Обычно она кралась, оглядывалась, готовая в любой момент сорваться и убежать. А сейчас... сейчас она шествовала. Хвост трубой, голова поднята, уши наострены. Она вела своих детей показывать миру. Котята топали за ней. Маленькие, смешные, они то и дело спотыкались, падали, вставали и догоняли маму. Один, самый мелкий, всё время пытался укунить брата за хвост. Другой останавливался и смотрел на каждую травинку.

— Красивые, — прошептала Сита, которая тоже выползла посмотреть. — Смотрите, одна как Мурка — черепаховая, пушистая.

И правда, та кошечка была копией мамы. Тот же окрас — черепаховый, панцирем, те же пушистые щёки и зелёные глаза. Маленькая принцесса.

А трое других — чёрные. Но не просто чёрные, как мы с Сияхом, а с подпалинами. Коричневые пятнышки на лапках, на мордочке, на грудке. Как будто их кто-то кисточкой раскрашивал.

— Красавчики, — сказал я. — Настоящие красавчики.

— Тише, — шикнул Сиях. — Смотрите, родители выходят.

Дверь скрипнула, и на крыльцо вышли мама с папой.

Они вышли просто так — подышать воздухом, посмотреть на закат. Они не знали, что в саду идёт торжественное шествие.

И тут случилось то, чего никто не ожидал.

Мама сделала шаг с крыльца.

Котята увидели ЕЁ.

Огромную. Высокую. Незнакомую.

— МЯ-А-А-А-А! — заорали они хором.

И бросились врассыпную.

Чёрный с подпалинами, тот, что покрупнее, рванул под крыльцо и забился в самый дальний угол, откуда только глаза сверкали. Второй чёрный, тот, что всё время кусался, заметался по саду, врезался в Ситу, отскочил и полез под забор — в узкую щель между землёй и досками.

— Стой! — закричал я. — Там же улица!

Но котёнок уже протиснулся и исчез по ту сторону забора.

Третий чёрный, самый мелкий, от страха потерял ориентацию и рванул прямо к дому. Он влетел на крыльцо, проскочил мимо маминых ног, выскочил в сад и... залез в водосточную

трубу. Которая вела неизвестно куда. Откуда она там взялась, эта труба, я до сих пор не понимаю. Но факт остаётся фактом — котёнок залез в трубу и застрял.

А черепаховая девочка... Она просто села на месте и заплакала. Маленьким, жалобным голоском.

— Мама! — плакала она. — Мама, страшно! Где все?!

Мурка даже не обернулась.

Она продолжала идти к миске. Гордо. Величественно. Как будто за ней никто не бегал, никто не орал, никто не лез в трубы и под заборы. Она дошла до миски, сунула в неё морду и начала есть. Жадно, взахлёб, будто неделю не кормили.

— Мурка! — растерянно сказала мама. — Там же котята! Твои котята!

Мурка даже ухом не повела. Она ела.

— Что вы все смотрите? — говорило всё её тело. — Я пришла есть. Я голодная. Котята? Какие котята? А, эти... Сами разберутся.

Папа схватился за голову.

— Там один под забор залез! — заорал он. — Сейчас на дороге выскочит!

Он рванул к калитке. Мама заметалась между крыльцом и забором.

— А в трубе! В трубе же котёнок! — кричала она.

— Я под забором! — орал папа откуда-то с улицы. — Лови его!

— А я в трубу полезу? — мама в отчаянии оглянулась. — Рука не пролезает!

Мы, коты, сидели и смотрели на этот цирк. Сита спряталась за меня. Сиях прижал уши. Боня вышел на крыльцо и прислушивался.

— Что там? — спросил он.

— Хаос, — коротко ответил я. — Полный хаос.

— А Мурка?

— Ест.

Боня помолчал, потом философски заметил:

— Хорошая мать. Спокойная. Знает, что дети должны учиться самостоятельности.

— Она просто голодная! — фыркнул Сиях.

— И это тоже, — согласился Боня. — Но посмотри: она не бежит за ними, не паникует. Она знает: если она будет сытой, у неё будет молоко. А если у неё будет молоко, котята выживут. Даже если сейчас они разбежались кто куда.

— А если кто-то потеряется? — спросила Сита.

— Не потеряется, — уверенно сказал Боня. — Запах мамы и запах еды приведут их обратно. Это древний кошачий закон. Мурка ему доверяет. И правильно делает.

Я посмотрел на Мурку. Она ела, не поднимая головы, но уши её вращались, как локаторы — она следила за каждым писком, за каждым шорохом. Она знала, где каждый котёнок. И знала, что они в безопасности. Потому что она — их мать. А матери всё знают.

Тем временем папа поймал того, кто залез под забор. Он принёс его за шкурку — орущего, всего в пыли, с выпученными от ужаса глазами.

— Попался, — сказал папа и посадил его в траву.

Котёнок сразу же попытался снова убежать, но налетел на Сильвера.

Сильвер сидел под дубом и смотрел на всё это своим единственным глазом. Когда котёнок налетел на него, он даже не пошевелился. Просто посмотрел сверху вниз и... фыркнул.

Котёнок замер. Посмотрел на Сильвера. На его шрамы. На его отсутствующий глаз. На его огромные лапы.

И вдруг... перестал бояться.

Он сел рядом с Сильвером и прижался к его боку. Сильвер удивлённо моргнул, но прогонять не стал.

— Ну надо же, — сказал я. — Сильвер, кажется, усыновил одного.

Тем временем мама всё-таки достала котёнка из трубы. Она смазала руку маслом, засунула в трубу и вытащила перепачканного, но живого малыша.

— Ай да мы, — выдохла она. — Спасатели.

Третий чёрный, тот, что под крыльцо забился, сам выполз, когда услышал, что мама открывает консервы. Голод победил страх.

А маленькая черепаховая девочка... Она так и сидела на месте и плакала. Пока мама не взяла её на руки.

— Ну что ты, глупая, — сказала мама, прижимая её к груди. — Все живы. Все нашлись. Не плачь.

Котёнок затих. Прижался к маме и закрыл глаза.

А Мурка наконец наелась. Она подняла голову от миски, оглядела двор, пересчитала детей — все на месте, все живы, хотя и перепуганы — и только тогда позволила себе расслабиться.

Она подошла к котяткам. Не спеша, с достоинством. Подошла к каждому, облизала, успокоила.

— Мурка... — мама смотрела на неё. — Ты... ты поэтому уходила? Ты поэтому не оставалась?

Мурка посмотрела на маму долгим взглядом. В нём читалось: «Да. Я приводила их в этот мир. А теперь привела к тебе. Потому что тебе можно доверять».

Мама присела на корточки.

— Можно? — спросила она у Мурки.

Мурка чуть заметно кивнула.

Мама осторожно погладила чёрного с подпалинами. Тот сначала прижал уши и зашипел — маленький, а уже шипит! — но потом, почувствовав тепло маминой руки, затих.

— Какой красавец, — прошептала мама. — Настоящий воин.

Второй чёрный — тот, что был самым маленьким, — подошёл сам. Он ткнулся носом в мамину ладонь, обнюхал, лизнул палец и замурчал. Так громко, так радостно, что мама засмеялась сквозь слёзы.

— А этот — ласковый. Совсем как... как маленький Сиях.

Третий чёрный держался чуть поодаль. Он смотрел на маму внимательно, серьёзно, оценивающе. Не боялся, но и не спешил доверять. Мама не настаивала — она просто сидела и ждала.

И наконец — девочка. Черепаховая, как мама. Пушистая, с большими глазами и белой грудкой. Она была самой красивой из всех — и самой осторожной. Она не шипела, не мурчала. Она просто смотрела.

— Черепаховая, — сказал папа. — Редкий окрас.

— Девочка, — добавила мама. — Мамина дочка.

— Здравствуй, красавица. Не бойся. Здесь всё хорошо.

Мама накормила Мурку самой вкусной едой, какая была в доме. А котяткам поставила отдельную мисочку с мягким кормом — они были ещё маленькие, но уже пробовали взрослую еду.

— Тебе надо много кушать, — сказала мама Мурке, глядя её. — Чтобы молоко было. Котята голодные.

Мурка ела. Жадно, но с достоинством. Она знала: она нужна своим детям. И она должна быть сильной.

С того дня Мурка с котятками стала приходить регулярно.

Каждый вечер они появлялись на заборе — Мурка впереди, четверо малышей за ней, как маленький пушистый поезд. Мурка подходила к миске, ела, потом ложилась на траву, и

котят принимались сосать молоко — тыкались носами в мамин живот, толкались, пищали, наедались до отвала.

Мама сидела рядом и смотрела на них с такой нежностью, что у меня самого внутри всё мурчало.

— Смотри, — говорила она папе. — Она кормит их. Как хорошо, что мы даём ей еду. Без нас у неё бы не было молока.

— Да уж, — вздыхал папа. — Теперь у нас не просто коты, а целый родильный дом.

— Зато какие котята! — улыбалась мама. — Настоящие красавцы.

Мы, коты, привыкли к новым гостям. Сита иногда играла с самыми смелыми котятами. Боня рассказывал им свои философские истории — они не понимали, но слушали с открытыми ртами. Даже Блэк иногда выходил посмотреть на это пушистое семейство.

Сильвер по-прежнему делал вид, что ему всё равно. Но однажды я заметил, как он лизнул чёрного котёнка с подпалинами в макушку — быстро, будто стесняясь, и сразу отвернулся.

— Ты их любишь, — сказал я ему.

— Я никого не люблю, — фыркнул Сильвер. — Я просто терплю.

— Ты лизнул его.

— Он сам подсунулся.

Я улыбнулся. Сильвер есть Сильвер.

Прошло несколько недель. Котята подросли, окрепли, начали бегать по саду, играть друг с другом, залезать на деревья и донимать старших котов. Они уже не боялись никого — ни нас, ни людей, ни даже папину метлу.

Мурка приходила по-прежнему каждый вечер. Ела. Кормила котят. Иногда играла с ними, но чаще просто лежала рядом, закрыв глаза, и слушала, как они возятся.

— Она устаёт, — сказала мама. — Трудно одной с четырьмя.

— А может, она готовит их к самостоятельной жизни? — спросил папа.

— Может, — вздохнула мама. — Но мне её жалко.

А потом, в один из дней, Мурка ушла.

Она пришла вечером, как обычно. Поела. Покормила котят. Потом встала, посмотрела на них долгим, очень долгим взглядом — на каждого по очереди. На чёрного с подпалинами, который уже стал задирой. На маленького шустрого, который везде совал свой нос. На молчаливого, который наблюдал за миром из тени. На черепаховую девочку, которая сидела чуть поодаль и смотрела на маму своими глубокими глазами.

Мурка лизнула каждого. Один раз. Не спеша.

Потом развернулась и пошла к калитке.

— Мурка? — позвала мама. — Ты куда?

Мурка обернулась. Посмотрела на маму. На котят. На дом.

«Я своё сделала, — говорил её взгляд. — Они теперь ваши».

Она шагнула за калитку. И исчезла.

Котята остались. Сидели на траве, маленькие, растерянные, не понимая, что произошло. Чёрный с подпалинами настороженно оглядывался. Второй побежал к калитке, понюхал, вернулся. Третий стоял, как статуя, и смотрел в темноту. А девочка... девочка обхватила себя хвостом и замерла.

— Мама ушла, — сказал я им тихо.

— Вернётся? — спросил один из котят.

— Не знаю, — честно ответил я. — Но вы теперь здесь. С нами. Это ваш дом.

Мама заплакала. Она вышла в сад, присела на корточки и обняла всех котят сразу — сколько поместилось в её руки.

— Я буду вас кормить, — сказала она сквозь слёзы. — Я буду вас любить. Вы не одни.

Котята жались к ней, тыкались носами в её ладони, искали тепло, искали защиту, искали новую маму.

Они её нашли.

Мама раздала котяткам имена.

Чёрного с коричневыми подпалинами она назвала Угольком — за его тёмную, но искристую шерсть. Маленького чёрного — Шустриком, потому что он везде совал свой нос и ни минуты не сидел на месте. Третьего чёрного — Молчуном, потому что он долго не издавал ни звука, только смотрел и слушал.

А черепаховую девочку... Мама долго думала, глядя на неё. Потом улыбнулась и сказала:

— Капа. Маленькая Капа. Как капелька — вроде бы есть, а вроде и нет. Всё время куда-то убегает.

Я посмотрел на Капу. Она сидела на ступеньке, обхватив себя хвостом, и смотрела в ночное небо. В её глазах отражались звёзды.

— Добро пожаловать, Капа, — сказал я. — Добро пожаловать в нашу странную, шумную, лохматую семью.

Она не ответила. Только чуть прищурилась, и мне показалось — или в её глазах мелькнула улыбка?

— Ну, — сказал папа, вытирая глаза (я видел — ему тоже было грустно). — Добро пожаловать в семью.

Мы сидели на крыльце — большие и маленькие, чёрные, серые, рыжие, полосатые — и смотрели на звёзды. А где-то там, в лесу, шла Мурка. Она знала, что её дети в безопасности. И этого было достаточно.

Она придет к ним ещё. Когда-нибудь. Повидаться, проверить, как они. Но жить с ними — нет. Она была лесная кошка. Дикая. Свободная.

А они стали домашними.

И это было правильно.

Потому что у каждого свой путь.

Даже в одной семье.

Глава двенадцатая, в которой Бонифаций открывает нам тайну старого Блэка

В нашем доме всегда было шумно. Котята носились по саду, Сита ворчала на них с крыльца, Сиях постоянно влипал в какие-то истории, Сильвер приносил птиц, мама с папой сутились, и только один кот всегда оставался неподвижным.

Блэк.

Старый чёрный кот лежал на своём месте у стены дома и, кажется, вообще не замечал происходящего. Котята пробегали по нему — он не шевелился. Сиях орал под ухом — он не открывал глаз. Даже когда Сильвер однажды проходил мимо и задел его хвостом, Блэк только чуть приоткрыл один глаз, посмотрел куда-то в пустоту и снова закрыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.